

Житие

Преподобномученик Исаакий Оптинский

Преподобный Исаакий Оптинский II (Бобраков) был последним настоятелем старой Оптиной. Он принял обитель под своё управление после кончины настоятеля архимандрита Ксенофонта и управлял ею в самое тяжёлое для обители время: с 1914 по 1923 годы. На время его управления монастырём выпала Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революция и гонения на церковь. Архимандрит Исаакий вместе с братией испытал все скорби, которые обрушили на них враги православной веры и Церкви. Не отступая ни на шаг, не прячась от гонителей, преподобный Исаакий показывал пример исповедничества. Он был достойным преемником Оптинских старцев. Достойным венцом его многотрудного и неуклонного восхождения по лестнице духовной и свидетельством пламенной любви к Богу стала его мученическая кончина за Христа.

Священномученик Исаакий Оптинский (в миру Иван Николаевич Бобраков) родился в 1865 году в селе Остров Малоархангельского уезда Орловской губернии в крестьянской семье. Учился Иван в сельской школе. Родители его были людьми набожными. Его отец Николай Родионович Бобраков, родившийся в 1836 году, скончался в Оптиной пустыни 22 апреля 1908 года схимонахом.

О появлении в Оптиной пустыни Николая рассказывал преподобный Нектарий: «Блаженный Василий привел его к батюшке Амвросию и сказал: «Поклонитесь в ножки ему, это будет последний Оптинский архимандрит». А юноше он сказал: «Тебя казнят». По дороге в трапезную блаженный Василий призывал богомольцев: «Поклонитесь последнему Оптинскому архимандриту».

Преподобный Исаакий пришел в Оптину пустынь в возрасте 19 лет в 1884 году и пребывал в обители в течение четырех десятилетий. Старец Амвросий благословил настоятелю монастыря преподобному Исаакию принять Ивана Бобракова к себе на добровольное послушание. Юный послушник стал безотказно трудиться везде, куда ни поставят, при этом держал себя скромно,

молчаливо. Ему вот так бы и хотелось — в труде и молитве, перед лицом Господа, остаться незаметным для других, последним из последних. Пророчество блаженного встревожило его. «Каким ещё там быть архимандритом! Нет, нет, это для других...» И долго не решался он, трудясь в монастыре, даже вступить в число братии. Шли годы, о нём как бы забыли, что он всё ещё неприукраженный послушник. Он же и не напоминал.

А между тем, он так любил Оптину, так привык к ней, что не мог себе и помыслить когда-нибудь покинуть её. Всякая работа хороша в монастыре: колоть ли дрова, делая с братией запас на зиму, картошку ли чистить на кухне, где на плите булькают большие котлы, месить ли тесто в огромной кадке, — да всё с молитвой, как учат старцы... На всяких работах с усердием и в безмолвии трудился послушник Иван. Вскоре оказался он на клиросе, да так хорошо пришёлся его голос к общему хору, что это стало его главным послушанием. Полюбил он долгие службы и не только пел, но и запоминал течение богослужений, их детали и особенности.

17 декабря 1897 года при настоятельстве архимандрита Досифея (Силаева) послушник Иван Бобраков был определен в число братства

монастыря. Вскоре, 7 июня 1898 года, он был пострижен в мантию с именем Исаакий, а 20 октября того же года рукоположен в иеродиакона. 24 октября, в день освящения Калужским епископом Вениамином Казанского собора в Шамординской обители, преподобный Исаакий был рукоположен в иеромонаха.

С принятием священного сана на отца Исаакия было возложено новое послушание — быть братским уставщиком. Он с любовью и усердием выполнял свои обязанности, наблюдая за чинопоследованием церковных служб.

30 августа 1913 года, после кончины архимандрита Ксенофонта, старшая братия избрала преподобного Исаакия настоятелем монастыря. Духовная дочь преподобного Никона монахиня Мария (Добромыслова) писала о преподобном Исаакии: «По своей примерной, истинно монашеской жизни он был вполне достоин занять столь высокий пост. Очень большого роста, внушительной и благолепной наружности, он был прост, как дитя, и в то же время мудр духовной мудростью».

Преподобный Исаакий принял настоятельство в тяжелое для России время: только что началась Первая мировая война, потом грянет революция, разразится братоубийственная

гражданская война, на Церковь обрушатся невиданные испытания и гонения.

К концу 1916 года из-за затянувшейся войны ощутимо чувствовался недостаток во всем жизненно необходимом, несмотря на это, обитель Оптиная охотно отзывалась на все просьбы о помощи пострадавшим от войны, сокращая свои собственные потребности.

Преподобный Исаакий не имел ни минуты отдыха: свет в его келии, как правило, угасал только под утро... Мир душевный источали вся фигура преподобного, его неторопливые движения, его умные и добрые глаза. Он никогда не спешил и не суетился, во всем полагался на Бога. И Господь никогда не оставлял его.

В «Летописи скита» говорится о том, что преподобный Исаакий участвовал во Всероссийском Церковном Соборе 1917 года.

23 января 1918 года декретом СНК [Оптина пустынь](#) была закрыта, но монастырь еще держался под видом «сельскохозяйственной артели». Весной 1923 года закрыли сельхозартель, обитель перешла в ведение Главнауки. Как исторический памятник была названа «Музей Оптиная пустынь». Настоятеля

преподобного Исаакия власти отстранили от дел и поручили преподобному Никону передачу имущества монастыря музею.

Преподобный Исаакий и старшая братия, с великой скорбью покинув обитель, поселились на квартирах в Козельске. В 1923 году все храмы обители были закрыты, и храмовые службы прекратились на целых 65 лет.

В то время в Георгиевском храме Козельска освободилась вакансия священника и чудесным образом устроилось так, что в храме этом все должности заняли оптинские иноки во главе с преподобным Исаакием.

...Наступил 1929 год. По всей стране прокатилась волна новых арестов. В августе, после праздника Преображения Господня, были арестованы и заключены в козельскую тюрьму все оптинские иеромонахи вместе с преподобным Исаакием. Из Козельска арестованные были отправлены в сухиническую тюрьму, а оттуда в Смоленск. В январе 1930 года, после окончания следствия, заключенные были сосланы. Старец переехал в город Белев Тульской области. В 1932 году преподобного Исаакия вновь арестовали. Пять лет спустя он сподобился от Господа мученического венца.

Священномученик Исаакий был обвинен в связи с делом Белевского епископа Никиты (Прибыткова), которому вменялось в вину, что он, «являясь организатором и руководителем подпольного монастыря при храме Святителя Николая в Казачьей слободе, систематически давал установку монашествующему элементу и духовенству о проведении контрреволюционной деятельности среди населения, и в распространении явно провокационных слухов о сошествии на землю антихриста».

Сначала, в 1937 году, было арестовано сто человек, и они все были расстреляны, а 16 декабря 1937 года было арестовано еще двадцать человек. Все они подверглись жестоким и бесчеловечным испытаниям: их заставляли стоять и не спать несколько суток при непрерывном допросе сменяющихся следователей. Нельзя было сесть, и если человек падал, то его обливали холодной водой. Они все отрицали. Преподобный Исаакий был тверд в своей правоте, отрицал все наветы и дал ответ краткий и ясный: «В состав подпольного монастыря я не входил...»

Обвинительный акт всем арестованным был вынесен 25 декабря 1937 года белевским

НКВД. Затем они были переведены в Тулу, где заседала «тройка», которая 30 декабря 1937 года вынесла приговор: расстрел.

Приговор привели в исполнение 26 декабря/8 января 1938 года, на второй день Рождества Христова, когда Святая Церковь празднует Собор Пресвятой Богородицы, расстрелянных мучеников тайно захоронили в лесу на 162-м километре Симферопольского шоссе. Ныне на этом месте братией Оптиной Пустыни воздвигнут Честный Животворящий Крест — непобедимое оружие христиан, разрушившее смерть, всерадостное знамение нашего искупления.

Так прервалась земная жизнь священномученика Исаакия. Тихая, истинно по-монашески безмолвная жизнь его, чистая и твердая в своих православных устоях, увенчана страданием за Христа, верностью Ему до самой смерти. Подобно древним мученикам, не боясь жестокости врагов Христовых, твердо стоял преподобный Исаакий в своем исповедании: «От креста своего не побегу!» И кровью своею засвидетельствовал свою верность Господу нашему.

Преподобне Отче Исаакие, моли Бога о нас!

Полное житие преподобномученика Исаакия II (Бобракова)

[«Это будет последний оптинский архимандрит...»](#)

[Крест настоятельства](#)

[1917 год](#)

[Революционное лихолетье](#)

[«От креста своего не побегу!»](#)

[Мученическая кончина старца](#)

Отец Исаакий принял управление обителью в 1914 году, когда уже шла Первая мировая война, а следом надвигались события, разрушившие многовековой уклад жизни России. После революции 1917 года он не оставил попечение о братии и духовных чадах, паломниках, продолжавших приезжать в Оптину, а затем в Козельск, где уже в виде общины продолжала теплиться жизнь разоренной обители. Его мудрость, простота, духовный мир никак не поколебались среди гонений, этот мир он распространял и вокруг себя. Господь сподобил его принять мученический венец, вместе со старцами Никоном и Нектарием он достойно нес крест исповедничества в годы утверждавшегося

безбожия, явив пример последования Христу до смерти.

«Это будет последний оптинский архимандрит...»

Иван Николаевич Бобраков родился в 1865 году в деревне Остров Малоархангельского уезда Орловской губернии в крестьянской семье. Его родители были людьми благочестивыми, с детства приучили детей к храму, домашней молитве, воспитывали их в страхе Божиим. Отец Николай Родионович со временем поступил в Оптину Пустынь, где подвизался до конца жизни, перед смертью принял пострижение в великую схиму с именем Николай.

Неудивительно, что из такой семьи произошел будущий подвижник. Иван еще юношей принял решение посвятить свою жизнь служению Господу и в 1884 году, в возрасте двадцати лет, поступил в Оптину Пустынь. Он пришел в монастырь, когда еще был жив великий старец Амвросий, застав самый расцвет Оптиной. Позднее старец Нектарий рассказывал одной из своих духовных дочерей, как появился будущий архимандрит Исаакий в Оптиной: «Блаженный Василий привел его к батюшке Амвросию и сказал: "Поклонитесь в ножки ему, это будет последний оптинский архимандрит". А юноше

он сказал: "Тебя казнят". По дороге в трапезную блаженный Василий призывал богомольцев: "Поклонитесь последнему Оптинскому архимандриту!"». Это пророчество привело Ивана в недоумение, по своему природному смирению он и не помышлял ни о чем подобном: «Каким еще там быть архимандритом! Нет, нет!.. Это для других...»

Долгое время Иван находился на общих послушаниях, даже не вступая в число братии. Со временем у него обнаружился незаурядный певческий дар, его перевели на клирос, и пение стало его главным послушанием. При этом он внимательно изучал устав, очень любил строй богослужения, понимал его глубину.

Только через тринадцать лет после поступления в монастырь, 17 декабря 1897 года, Иван Бобраков был определен в число братии. 7 июня 1898 года он был пострижен в мантию с именем Исаакий, в честь святителя Исаакия, епископа Кипрского, а 20 октября того же года рукоположен в иеродиакона. 24 октября 1902 года, в день освящения Казанского собора в Шамординской обители, Калужский епископ Вениамин посвятил его в священнический сан.

Вместе с братией монастыря и скита отец Исаакий ходил на откровение помыслов к

старцу Иосифу, преемнику преподобного Амвросия. Вскоре отец Исаакий был назначен братским уставщиком. Он с любовью выполнял свои обязанности, наблюдая за чинопоследованием церковных служб, продолжая изучение устава.

22 апреля 1908 года в обители, на 72-м году жизни, почил о Господе отец преподобного Исаакия схимонах Николай. Он был погребен на монастырском кладбище между храмом преподобной Марии Египетской и Введенским собором. Отец Исаакий часто приходил на его могилу, духовная связь отца и сына не прерывалась. Однажды преподобный Исаакий в чем-то не поладил со скитоначальником отцом Феодосием, между ними возникло взаимное непонимание. Спустя некоторое время отец Феодосий пришел к нему и рассказал, что видел во сне схимонаха Николая, который упрекал их с отцом Исаакием. Задумался преподобный Исаакий, услышав этот рассказ, и потом тихо произнес одно слово: «Чует!..» После этого мир был восстановлен и больше никогда не нарушался.

Тем временем замечательные качества отца Исаакия — терпение, миролюбие, истинное благочестие, духовная рассудительность — уже

были хорошо известны братии. После смерти архимандрита Ксенофонта в 1914 году он был избран на место настоятеля. 7 ноября 1914 года он был возведен в сан игумена, а 16 ноября — в сан архимандрита. Так исполнилось предсказание блаженного. «По своей примерной, истинно монашеской жизни он был вполне достоин занять столь высокий пост, — вспоминала монахиня Мария (Добромыслова). — Очень большого роста, внушительной и благолепной наружности, он был прост, как дитя, и в то же время мудр духовною мудростию».

Крест настоятельства

Архимандриту Исаакию пришлось вести большое хозяйство монастыря в нелегких условиях военного времени. Оптина Пустынь к началу Первой мировой войны имела обширные владения в виде различных лесных и луговых угодий, мельниц, пасек и мастерских. Все это требовало от настоятеля огромного внимания и личного участия во всех делах.

Настоятель всегда хранил в сердце благодарную любовь и почитание памяти оптинских старцев и подвижников. Одним из первых его дел при вступлении в должность стало благоустройство могилы архимандрита Ксенофонта. Отец

Исаакий заботился и о могилах старцев, он предложил объединить под общей крышей часовни на месте их погребения. Этот проект не успели осуществить из-за последовавших вскоре событий в России. Еще одной инициативой настоятеля было предложение издать жизнеописание старца Льва (Наголкина) — объемной рукописи, которая осталась после старца Амвросия, собравшего множество материалов о подвижнике. Братия поддержала это предложение, но трудности военного времени задержали выход книги до лета 1917 года, когда ее напечатала типография Шамординской обители.

Отец Исаакий отличался снисхождением к немощам и грехам ближних. Ярким примером тому служит его собственноручная записка, выданная незаконному порубщику леса, в которой указывается, что виновный крестьянин «за свой проступок — покражу дерева с Макеевской дачи Пустыни — на сей раз прощается, как просит прощения и обещает более не делать». Еще одно свидетельство человеколюбия отца Исаакия — рапорт Преосвященному Гурию, епископу Калужскому, с просьбой о снятии запрещения в священнослужении двух иеромонахов преклонных лет, живших в братской

монастырской больнице. Преподобный Исаакий ходатайствовал о их прощении, «наблюдая исключительную душевную пользу обоим иеромонахам, т. е. чтобы они не умерли запрещенными и над ними не тяготело запрещение, как неразрешенная епитимия и за гробом». Настоятель ни в каких обстоятельствах не оставлял надежды на исправление провинившихся, считая своим долгом поддержать их духовно, направить на благой путь.

Отец Исаакий через всю жизнь пронес любовь и благоговейное отношение к богослужению, будучи настоятелем сам часто служил в монастыре и в скиту. Архимандрит Вениамин (Федченков), будущий митрополит, известный духовный писатель, замечательный пастырь, часто бывавший в Оптиной, вспоминал о нем: «Он перед служением литургии в праздники всегда исповедовался духовнику. Один ученый монах, впоследствии известный митрополит, спросил его: зачем он это делает и в чем ему каяться? Какие у него могут быть грехи? На это отец архимандрит ответил сравнением: "Вот оставьте этот стол на неделю в комнате с закрытыми окнами и запертой дверью. Потом придите и проведите пальцем по нему. И останется на столе чистая полоса, а на пальце –

пыль, которую и не замечаешь даже в воздухе. Так и грехи: большие или малые, но они накапливаются непрерывно. И от них следует очищаться покаянием и исповедью"».

1917 год

Как ни пекся настоятель о благополучии обители, к концу 1916 года в монастыре стал сильно чувствоваться недостаток во всем жизненно необходимом. Несмотря на это, Оптиная Пустынь оказывала щедрую помощь пострадавшим от войны, до минимума сокращая собственные потребности. При наплыве беженцев из Польши и Белоруссии монастырю было предложено предоставить для них помещения. Архимандрит Исаакий отдал беженцам одну из гостиниц, а для больных тифом — больничный корпус. В конце войны еще одна гостиница была определена под приют для осиротевших детей. Оптинские монахи усердно молились о русском воинстве и о всех, на поле брани убиенных.

Наступил 1917 год. Начало года ознаменовалось событиями Февральской революции, уже тогда появились первые жертвы революционного разгула. На Страстной неделе на монастырском кладбище появилась свежая могила: в обители похоронили подполковника Михаила

Дмитриевича Оберучева, храбро воевавшего боевого офицера, который тем не менее погиб не на фронте, а в Ревеле, куда приехал навестить семью. Во время уличных беспорядков его ударил по голове саблей «революционный» матрос. Гроб с телом погибшего привезла на поезде из Ревеля в Козельск Александра Дмитриевна Оберучева, сестра его, впоследствии монахиня Амвросия, духовная дочь отца Никона. В Оптину с ней прибыла и вдова подполковника с двумя детьми. Монахиня Амвросия в своем дневнике описала эти события, из ее воспоминаний видно, с каким состраданием и готовностью помочь отнеслись к потерпевшим несчастье настоятель и вся братия обители. Это еще и характерная картина из жизни монастыря того времени: «25 марта, в воскресенье, в день Входа Господня в Иерусалим (в этот год Благовещенье пришлось в один день с Вербным воскресеньем), в 4 часа утра мы остановились на станции г. Козельска.

Выйдя из вагона, направилась туда, где стояли извозчики; следом за мной шел какой-то человек; как только я начну говорить с извозчиком, и он оказывался между нами, видно, прислушивался; я ко входу вокзала, и он туда и там вслушивается, как я говорю со стоящими там извозчиками. Никто из них, как

только скажу, что в Оптину, не соглашается везти, все говорят, что вода вышла из берегов и затопила весь луг, начиная от деревни Стенино, проехать никак нельзя, разлив такой страшный, что и не запомнят такого.

Оставив своих на вокзале, я пошла лесом кружным путем, несколько раз мне удалось переезжать на лодке через вновь появившиеся во время разлива озера. Пришла туда, когда окончилась ранняя обедня. Подошла к отцу архимандриту Исаакию, попросила прощения, что мы, не спросив разрешения, прямо приехали с телом покойного брата. Отец архимандрит радушно ответил мне: "Как же, мученика мы с радостью примем и найдем ему лучшее место на кладбище". И распорядился, чтобы казначей позаботился доставить гроб в монастырь.

Казначей отец Пантелеймон горячо принял к сердцу наше дело, позвал рабочих и сказал им, чтобы запрягли самых высоких лошадей и непременно, во что бы то ни стало, привезли гроб до берега, а здесь будут ждать лодки с канатами.

Поспешила я опять лесом в обратный путь. Манечку с детьми оставила на вокзале. Гроб поставили на подводу, лошадь высокая, сильная, колеса особые, высокие, на другой

подводе я с кучером. Доехали до деревни Стениной, народ говорит, что проехать никак нельзя, но несмотря на все уговоры, мы поехали прямо по воде... Когда мы добрались до берега, то здесь были приготовлены две лодки на канатах, укрепленных у того берега. Лодки должны были двигаться по канатам, — сам архимандрит позаботился отпустить своего келейника — лучшего гребца. Течение было в этом году необыкновенно сильное, поэтому и были сделаны такие приспособления.

Монастырский колокол оповестил всех, и вышло много братии, и они внесли гроб во храм Владимирской иконы Божией Матери...

Кажется на другой день пришла семья покойного брата, тоже шли через лес. Поселились все в Оптиной Пустыни в гостинице. Такие святые дни! Ежедневно ходили мы все к утрени в половине второго ночи. Затем, отдохнув с час или полтора, шли к ранней обедне. Дети, конечно, не выдерживали, засыпали иногда на этих ранних службах, но все же они всегда охотно вставали и просили не оставлять их, а вести с собой. Какое глубокое впечатление остается от этих ночных благоговейных служб... Перед шестопсалмием тушится большинство свечей и мы остаемся в

полутьме, — и это придает всем еще больше благоговения перед таинственным, великим...

В Великую Среду, после Преждеосвященной обедни, хоронили брата. Сам архимандрит Исаакий участвовал в погребении, сам он и выбрал место на кладбище — через дорожку от старческой часовни, еще была одна могила, а далее могила брата, возле двух отроковиц Ключаревых (в имени которых, по завещанию их бабушки монахини Амвросии, и был основан Шамординский монастырь).

Вся братия, и архимандрит, и старцы при всяком случае выражали нам сочувствие, — это невольно чувствовалось, хотя все это молчаливо, по-монашески...» Все сочувствовали семье погибшего, это было еще только предвестие надвигающихся страшных событий. Упомянутый в рассказе матушки Амвросии казначей отец Пантелеимон в дальнейшем тоже пострадает от безбожных властей, ныне игумен Пантелеимон (Аржаных) прославлен во святых как преподобномученик.

1917 год был насыщен событиями. Одно из них по праву можно назвать эпохальным в жизни Русской Православной Церкви — это Всероссийский Церковный Собор. Настоятель Оптиной Пустыни архимандрит Исаакий

принимал в нем участие, поэтому некоторое время не был в обители – отбыл в Москву для присутствия на заседаниях собора.

Революционное лихолетье

Несмотря на все усилия настоятеля жизнь монастыря, как и всей страны, становилась все труднее. В летописи обители 1 октября 1917 года записано: «В скиту по тяжелым условиям пищевого довольствия вводится определенная порция хлеба — 1 фунт на брата ежедневно» (фунт — это 400 граммов). Господь не оставлял обитель, посылая помощь, утешение. В это время уже трудно было раздобыть продовольствие, хлеб, были введены дозоры, изымающие продукты питания у населения. Как-то рясофорный монах Мартирий, скитский цветовод, и послушник Иоанн по благословению настоятеля отправились на монастырских лошадях закупать пшеницу. Проехав через несколько уездов, они увидели, что везде тщательный досмотр, каждую повозку проверяют. Они уже доехали до Орловской губернии, но ничего купить не удавалось, а надо было найти пудов тридцать... И стали они молиться Богу и оптинским старцам. В итоге они чудом купили двадцать пять пудов, засыпали мешки сеном и поехали домой. Семь

уездов проехали, везде досмотр, а их словно и не видели. Скитский летописец отметил по этому поводу: «Святые старцы своими святыми молитвами явно помогают своему родному скиту». Скит и раньше часто оказывался помощником монастыря, этот хлеб тоже пошел для всех, и не только для монахов, но и для детей-сирот, и для беженцев, которые сильно бедствовали. А вот еще одна запись в Летописи: «Милостью Божией в Скиту сделан большой запас дров, как для настоящей, так и для будущей зимы... Потребляемые пищевые продукты также с успехом восполняются новыми закупками. Явная милость Божия при нынешней голодовке!»

7/20 января 1918 года в обители как обычно торжественно отметили скитский праздник — Собор Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Литургию в скиту совершал настоятель архимандрит Исаакий. Но скорбное время было уже близко. В 1918 году был издан декрет Совнаркома об отделении Церкви от государства, что означало и закрытие Оптиной Пустыни как монастыря. Запись в Летописи 25 февраля: «В 11 часов дня в скит заявили четыре солдата Красной Гвардии и один, очевидно, их старший. Они потребовали к себе отца игумена, но когда он вышел к ним, то они

заявили, что пришли осмотреть храмы и все вообще в скиту, ибо, как они заявили, про скит ходят слухи, что здесь много лежит серебра и золота. Отец игумен потребовал у них удостоверения... Они направились в каменный храм в сопровождении отца игумена. Все было осмотрено. Церковная утварь и сосуды, иконы в ризах переписаны, но золота, конечно, не было найдено... Была осмотрена и колокольня, там думали найти пулемет... После сего все отправились в храм святого Иоанна Предтечи... И здесь все описали».

Монастырю и после формального закрытия удалось просуществовать еще пять лет под видом сельскохозяйственной артели. Многие отчаявшиеся, потерявшие родных и близких, обездоленные люди, нашли бескорыстную помощь в стенах обители. Великие скорби пришлось перенести настоятелю и братии от безбожной власти за эту непрекращающуюся помощь монастыря народу: насельников арестовывали, высылали.

Отец Исаакий болел душой за происходящее в обители. Оптинский племенной рассадник начал постепенно переходить в руки местных властей, монахи заменялись наемными рабочими, которые тащили все, что плохо лежит, и не

особенно заботились о скоте, поголовье которого быстро уменьшалось. Когда архимандрит Исаакий выступил против такого явного развала хорошо налаженного хозяйства, он вообще был отстранен от руководства племенным рассадником, а потом и арестован. Вскоре отца Исаакия отпустили, но несколько недель осенью 1919 года он и несколько человек из братии провели в Козельской тюрьме. Так и продолжала существовать обитель: молитва, богослужение не прерывались, богомольцы продолжали приходить в монастырь, но братия жила в обстановке постоянной угрозы арестов, выселения, всяческих притеснений со стороны властей. Подробно о жизни Оптиной Пустыни в начале 1920-х годов рассказано в житии преподобноисповедника Никона.

Весной 1923 года закрыли и сельхозартель, обитель перешла в ведение «Главнауки» и была преобразована в музей. Архимандрит Исаакий был вновь арестован. В тюрьму была превращена хлебня с кельями. Оставшихся монахов стали насильно удалять из обители. Хотя арестованные и были через некоторое время освобождены, но отцу настоятелю власти запретили ведение всех монастырских дел и распорядились, чтобы он со старшей братией немедленно покинул обитель. Уходя из Оптиной,

архимандрит Исаакий препоручил совершение богослужений и окормление богомольцев отцу Никону.

Изгнанные из обители насельники поселились в частных домах Козельска. Архимандрит Исаакий жил на улице Малое Заречье (впоследствии — улица Панковой) вместе с оптинскими иеромонахами Питиримом (Кудрявцевым), Мисаилом (Цубаниковым), Евфросином (Башалковым) и Диодором (Хомутовым). Для оптинских монахов, а также для шамординских сестер, архимандрит Исаакий продолжал быть настоятелем монастыря. Без его благословения в этой большой, хотя и «нелегальной» общине, ничего не предпринималось.

В 1923 году в Георгиевском храме Козельска освободилась вакансия священника. Божией милостью устроилось так, что в храме этом все должности заняли оптинские иноки.

Настоятелем архимандрит Исаакий назначил бывшего монастырского старшего рухольного иеромонаха Макария (Чиликина), архидиаконом стал оптинский архидиакон Лаврентий (Левченко), будущий преподобномученик, псаломщиком — иеромонах Савватий (Казаков), пономарем и сторожем — монах Клеопа

(Дмитриев). Вскоре бывший оптинский благочинный и уставщик иеромонах Феодот (Мартемьянов) создал небольшой хор из живущих в Козельске монахов во главе с самим отцом Исаакием. По праздникам отец Исаакий принимал участие в богослужении, а из близлежащих деревень приходили поселившиеся там иноки и пели на два клироса. Козельским жителям очень нравилась служба по монастырскому уставу, и храм всегда был полон молящимися. К этому времени относятся записи монахини Амвросии (Оберучевой) о старце, Батюшкой она называет своего духовника отца Никона: «Это был замечательный человек и идеальный монах. Он обладал особыми способностями к пению и даже составлял ноты. Простота, искренность и любовь к пению сблизили его с нашим Батюшкой. Придет, бывало, Батюшка благословиться или посоветоваться к отцу Архимандриту и там задержится непременно: побеседуют и попоют где-нибудь в саду».

Сосредоточение в Козельске монахов и инокинь из упраздненных монастырей обратило на себя внимание местных властей, но самые страшные испытания были еще впереди. К 1925 году усилились гонения на Церковь. Чтобы сохранить службы в сельских храмах, преподобный

Исаакий, по благословению Калужского епископа Стефана, направил достойных оптинских иеродиаконов и монахов для посвящения и дальнейшего служения на приходах.

После появления в 1927 году воззвания к Православной Церкви Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия с призывом молитвенно поминать в церквах всех, «иже во власти суть» (1 Тим. 2, 2), оптинская братия во главе с преподобным Исаакием, хотя и со скорбью сердечной, благоразумно подчинилась Местоблюстителю Патриаршего престола — за святое послушание. Отец Никон по этому поводу сказал: «Обвинять митрополита не следует, так как в отношении догматов Церкви он ни в чем не погрешил». Так благодаря духовной мудрости настоятеля архимандрита Исаакия, принявшего решение в молитвенном единодушии со старцами Нектарием и Никоном, оптинская братия в сложнейшей обстановке того времени не пошла по пути раскола. Козельское духовенство последовало примеру оптинцев.

В 1928 году в Оптиной Пустыни был закрыт и музей, к которому были приписаны «заповедные» земли и леса, на них давно

зарилось местное начальство. Чудом удалось почти полностью сохранить архив монастыря — он был передан в Государственную библиотеку им. В. И. Ленина (ныне — Государственная Российская библиотека), все остальное в Оптиной было расхищено.

«От креста своего не побегу!»

Мученическая кончина старца

В 1929 году в Козельске было закрыто одновременно семь церквей — все, кроме Благовещенской. Большинство иеромонахов были отправлены в ссылку. Из оптинцев здесь оставалось еще несколько человек, в основном из престарелых иноков, и несколько молодых монахов. Продолжала вести подвижническую жизнь небольшая община сестер. Все эти иноки и инокини собирались вокруг еще остававшегося в Козельске старца Исаакия. В том же году по всей стране прокатилась новая волна репрессий и арестов. В августе 1930 года, накануне праздника Преображения Господня, были арестованы все оптинские иеромонахи вместе с преподобным Исаакием. Из Козельской тюрьмы монахи были направлены в Сухиничи, а затем в Смоленск. После окончания следствия преподобный Исаакий был освобожден, прибыл в город Белев Тульской области и поселился в

доме священника Михаила Преображенского на Дворянской улице.

В это время в Белеве собралось много монашествующих из закрытых монастырей Калужской и Тульской епархий, здесь на покое жил и Белевский епископ Никита (Прибытков), викарий Тульской епархии. Преподобный Исаакий обрел здесь множество единомысленных братьев и сестер, приезжали к нему и духовные чада. Все они посещали храм святителя Николая Чудотворца в Казачьей слободе. Летом 1931 года к архимандриту Исаакию из далекой деревни на Севере, под городом Пинегой, приехала инокиня Ирина (матушка Серафима) и привезла весть о кончине отца Никона, рассказала о всех обстоятельствах его смерти.

Власти по-прежнему преследовали верующих, следили за каждым шагом. В 1932 году архимандрит Исаакий был в Брянске и там купил икону в ценном окладе. Его арестовали, привезли в Белев, судили, дали небольшой срок за «незаконную валютную операцию». Через пять месяцев отца Исаакия выпустили, но потребовали, чтобы он выехал из Белева. Он же мужественно и твердо ответил: «От креста своего не побегу!» — и остался в Белеве.

16 декабря 1937 года преподобный вновь был арестован вместе с епископом Никитой, четырьмя священниками, одиннадцатью монашествующими и тремя мирянами. Владыке Никите, как старшему, было предъявлено обвинение в том, что он, «являясь организатором и руководителем подпольного монастыря, систематически давал установку монашествующему элементу и духовенству о проведении контрреволюционной деятельности среди населения и в распространении явно провокационных слухов о сошествии на землю антихриста, приближающейся войне и гибели существующего советского строя». Мучители добивались от арестованных признания в предъявленных им ложных обвинениях.

Архимандрит Исаакий был тверд, отрицал все наветы и на вопросы давал краткий ответ: «В состав подпольного монастыря не входил и антисоветской деятельностью не занимался». 30 декабря 1937 года «тройка» вынесла всем арестованным приговор — расстрел. 8 января 1938 года, на второй день Рождества Христова, когда Святая Церковь празднует Собор Пресвятой Богородицы, приговор был приведен в исполнение.

В Тесницких лагерях под Тулой, на 162-м километре Симферопольского шоссе, в лесу

тайно были похоронены тела новомучеников. Верующие люди знали и чтили это святое место, ныне здесь стоит крест, воздвигнутый братией Оптиной Пустыни.

Житие преподобномученика Исаакия завершает череду жизнеописаний оптинских старцев. Еще в древности христиане за особую честь почитали принятие мученического венца, страданий за Христа. Историю оптинского старчества венчает мученическая кончина последнего настоятеля обители. Старцы окормляли народ в годы видимого благополучия, принимая крест несения грехов и скорбей прибегающих к их помощи и молитве, остались они с народом и в годину лихолетья — и тогда главным их попечением было утешение страждущих, нуждающихся, потерявшихся в мире, где безбожие стремилось насадить ненависть, всеобщую рознь и хаос. Архимандрит Исаакий в тяжелейших условиях, до последнего вздоха не оставил своего послушания — управления братией, хоть и находившейся в рассеянии. Он стал достойным преемником оптинских старцев-настоятелей. Очень разных и в разное время совершавших свой подвиг, их объединяла общая характерная черта, поражавшая многих в начальниках над братией — глубочайшее смирение и истинно христианское послушание.

Последнее десятилетие настоятельства отца Исаакия явило со всей очевидностью, что монастырь — это не стены и постройки, но молитвенное единение во Христе, способное противостоять любому напору зла и разрушения.